

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

В областном центре Ленинградской области живет веселый, а потому грустный человек. Веселый оттого, что любит жизнь. Грустный — по той же самой причине. Кто не способен грустить, тому и радость не по плечу. ВЯЧЕСЛАВ ПОЛУНИН многое в этой жизни понимает, многим дорожит. Чтобы это заметить, даже не обязательно беседовать с ним с глазу на глаз. Достаточно увидеть на сцене его клоуна Асися.

В разговоре с Полуниним на-чисто выпало ощущение, что я беседу с актером. Никаких всплесков творческого озарения, никакого обволакивающего обаяния, к чему я за многие годы так уж привык. Просто сидит передо мной работающий в своем деле человек, неспешный, сдержанный. Деликатно внимательный, поскольку этот разговор может сослужить службу его театру.

Видимо, в этом «неактерстве» и секрет. На сцене Полунин пользуется средствами высшего актерского мастерства. Но суть представления подсмотрена, осознана в жизни каким-то именно неактерским глазом. Удивительный результат: как если бы самый обычный человек исполнял роль самого себя и только был бы наряжен не в свой костюм. Поразительная естественность мысли и жизни на сцене. А следовательно, способность сложное сделать простым для понимания. В чем есть цель искусства во все века. Только не во все века удавалось. И не во все века будет удаваться. Трудное дело.

До Полунина меня не привлекал жанр мимов. Мне не по душе была сама их стилистика. Высочайшее мастерство, но какое-то нарочитое. Конечно, я пришел в восхищение, впервые увидев Марселя Марсо. Мысли мои поразились немалому умению, но чувства при этом совершенно не включились. Он играл для меня, но не про меня. (Должен сразу оговориться, Полунин не разделяет этих моих впечатлений о Марселе Марсо).

С «Лицедеями» у меня произошло нечто другое. Их костюмированность, их пластика не отвлекли меня: Полунин играет не для меня, а про меня. Я, конечно, догадываюсь, что внешне на клоуна Асися не похож. (На него, безусловно, смотреть интереснее). И все-таки он — про меня. Каким-то образом даже не приходится переводить эту стилистику с клоунского языка на язык моих чувств. Идет прямой контакт.

Приостановим бег наших фраз. Позволю себе не вдаваться в

АСИСЯ РАСКАЗЫВАЕТ О «ЛИЦЕДЕЯХ»

дальнейшие искусствоведческие экскурсии, поскольку в данном случае Полунин меня интересует даже больше, чем Асися. Все-таки нечасто доводится встречаться

появились еще семь человек, и мы стали сами себя обучать.

— Так уж просто сами себя и учили?

— Не будем преувеличивать нашу врожденную гениальность.

В 1968 году к нам в страну приехал на гастроли Марсель Марсо. Я от него не отходил ни на шаг. Потом он приехал опять в 1973 году. И я поехал с ним по стране. Я знал каждое его движение наизусть. Ну, и все это притащил к нашим ребятам.

Понимаете, дело ведь не в том, чтобы запомнить трюки, а в том, чтобы понять, осмыслить. Был Чарли Чаплин. Он завершил собой целую эпоху пантомимы. Следующую эпоху вопло-

сая единиц со сведениями, что на сегодняшний день наличествует в литературе о пантомиме.

— Вы все еще ничего не скажете о самом театре «Лицедеи».

— 15 лет назад мы подготовили нашу первую для профессиональной сцены программу. Все было «как положено» — черное трико, белые тапочки. Зрители нас приняли хорошо. Но мы-то чувствовали, что это не то, ради чего мы хотим жить и существовать.

И вот что произошло дальше. Я уже говорил, что мы непрерывно импровизировали какие-то сюжеты: в комнате, в коридоре, прямо на улице. Но нам все это казалось «домашними радостями», мы это даже стеснялись показывать на сцене. Однако потом ос-

единным дыханием. Да даже те спектакли, которые и нам самим, и зрителям нравятся, продолжают непрерывно нами прорабатываться.

— Значит, новый спектакль пока за горами?

— Вы не представляете, насколько точно выразились. Именно за горами, за лесами, за полями.

Мы не любим долго заниматься одним и тем же и на одном и том же месте. Два года работали на стадионах. Последнее время перешли в камерное помещение на 150 мест. Сейчас думаем об уличном театре.

Студенты художественно-промышленного училища проектируют для нас два фургона. Складная стенка одного из них будет откидываться и получаться сцена. А если плохая погода, то шатер-шапито будем натягивать. Поедем по стране. Причем в городках или деревнях будем останавливаться надолго. Понимаете, речь пойдет об общем образе жизни с городком, а не о гастрольном концерте. Если достанем шапито, то этим летом и поедем.

Кстати, зачем стремиться к гигантской вместимости шапито? Они как раз должны быть небольшими и мобильными. Их как раз ждут не в Киеве или Ташкенте, а в деревнях и городках, которые не на каждой карте и найдешь.

— Я провел в вашем коллективе несколько дней. И должен признаться, как бы устал. Есть в воздухе вашей жизни какое-то «электричество», какое-то непрерывное, не дающее передышки напряжение.

— Это вы с непривычки. Но кое-кто и из актеров действительно не выдерживал. В актере, конечно, должно быть «энергетическое начало». Если актер призван генерировать в человеке личность, то в нем самом должен быть огромный энергетический заряд, ненасытность в своей профессии. У каждого своя трудная работа. А я, думаете, с вами не устал? Все время говорить с вами словами, когда мое средство — молчать.

Надо восполнить один пробел в этой статье.

Я получил определенное представление об актерах этого театра, благо их немало. Кто-то из них поярче выглядит на сцене, кто-то поинтересней в жизни. Но все до одного они — личности в своем деле, фанатики своего дела. Что и понудило меня, никого не выделяя, как бы воплотить их в лидере.

Э. ГРАФОВ.

ПОЛУНИН

И ДРУГИЕ

тил в себе Марсель Марсо. Огромное влияние уже на мое поколение оказал Аркадий Райкин. А знаете ли вы, что Аркадий Исаакович был первым представителем советской пантомимы на впервые в этом столетии организованном в 1962 году Международном фестивале пантомимы?

Нет, никакого призового места он там не занял. И вот почему. На фестивалях пантомимы не бывает никаких призовых мест. Значимость не может быть сопоставимой. Просто собираются люди ради любимого жанра, собираются поделиться своим умением. В пантомиме ведь все «секреты» на виду.

— Значит, у вашего театра секрета нет?

— У нас не секрет, а цель — каждый зритель должен для себя найти в каждой миниатюре спектакля то, что его заденет, — от наивного сюжета, доступного даже ребенку, до философских понятий, принципиальных для человеческой жизни. Впрочем, в ту «самодельную» пору мы об этом и не думали, просто веселились. Вольная игра жизненных сил! Нашей радостью было увлечение людей в радость.

— И вам, конечно, показалось, что этого мало. Мало одной радости? Экая, действительно, невидаль!

— Да не показалось. Нам действительно этого стало мало. Мы же повзрослели. Вы можете представить взрослого человека, который все время веселится?

— К сожалению, не могу.

— Мы занялись изучением. Сегодня при нашем театре на общественных началах существует информационно-методический центр: четыре с половиной тысячи книг и статей, в его картотеке — 10 ты-

мелились и буквально в течение нескольких дней сложили все это в программу «Фантазеры».

— Я слышал упрек, что у вас мало материала, что вы повторяетесь. Я догадываюсь о сложности вашего жанра. Я понимаю, что плохой трагик — это все-таки трагик, а плохой комик — это не комик. И тем не менее об объеме и свежести репертуара.

— В юморе нельзя говорить о «тоннаже». Величайший клоун Грок за всю жизнь наработал своих шедевров минут на сорок.

Но поскольку мы не Гроки и насчет шедевров у нас не густо, то за 17 лет создали 15 программ. С этими программами мы объездили всю страну и побывали еще в 15 странах.

— Для отчетности звучит плохо.

— Но ведь есть отчетность и для самих себя. Перед собой, что ли. Которую количеством спектаклей не выразишь. Вот вы были на прогоне нового материала. Целый час вы смотрели репетицию нашей будущей программы. Каковы впечатления?

— Кое-что никуда не годится. Многого не понял. Иногда смеялся, но ни разу не улыбнулся.

— Вот и мы сами многого не поняли. И вообще, из того, что вы видели, только две-три, а то и вовсе одна миниатюра пойдут в дальнейшую работу.

— Ну, не скромничайте, два-три номера есть просто отличные.

— А нам нужен не номер, а миниатюра. И не гирлянда миниатюр, а цельное представление с

ЗНАМЕНИТЫЙ
г. МИНСК

17 ИЮНЬ 1986